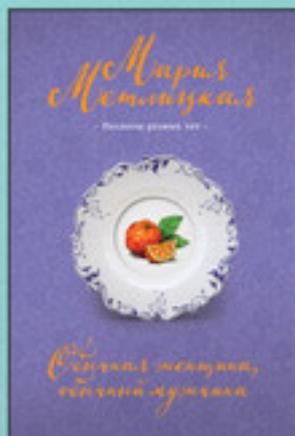


Мария Метлицкая

Под небом голубым



Часть сборника
Обычная женщина, обычный
мужчина (сборник)



Мария Метлицкая
Под небом голубым

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

Метлицкая М.

Под небом голубым / М. Метлицкая — «Эксмо», 2016

«Диктор пропела нежным голосом:– Началась посадка на рейс номер триста пятнадцать. – Первый раз нежно, второй раз с угрозой: – Внимание! Их призывали не опоздать. Жаров вытянул шею и покрутил головой, ища жену в разноцветной толпе. Впрочем, это было несложно – Рита была высока, почти на голову выше всех прочих женщин. К тому же женский пол в основном был представлен паломницами – сгорбленными и не очень бабушками в светлых платочках, испуганно оглядывающимися по сторонам, вздрагивающими от колокольчика, предваряющего объявления. Все им было незнакомо и вновь...»

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

© Метлицкая М., 2016
© Эксмо, 2016

Мария Метлицкая

Под небом голубым

© Метлицкая М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Диктор пропела нежным голосом:

– Началась посадка на рейс номер триста пятнадцать. – Первый раз нежно, второй раз с угрозой: – Внимание!

Их призывали не опоздать. Жаров вытянул шею и покрутил головой, ища жену в разноцветной толпе. Впрочем, это было несложно – Рита была высока, почти на голову выше всех прочих женщин. К тому же женский пол в основном был представлен паломницами – сторбленными и не очень бабульками в светлых платочках, испуганно оглядывающимися по сторонам, вздрагивающими от колокольчика, предвещающего объявления. Все им было незнакомо и вновь.

В кресле, прикрыв глаза, сидел крупный, полнотелый батюшка. Паломницы с надеждой бросали взгляды и на него – он-то не бросит, поддержит своих прихожанок.

Рита стояла, отвернувшись к взлетному полю. Лицо ее было напряжено, брови сведены к переносью, а взгляд, как всегда, в никуда...

Точнее – не как всегда, а как в последнее время.

Жаров с минуту разглядывал жену – очень прямая спина, высокомерно вскинутая голова, юбка почти до щиколоток, серая кофточка на мелких пуговичках, шелковая косынка на голове, замотанная наподобие тюрбана.

Ему показалось, что она шевелит губами, причем, к этому он тоже привык, и это было уже не так важно. Он вздохнул, откашлялся и выкрикнул:

– Рита!

Она обернулась, нашла его в толпе и слегка нахмурилась. Он сделал жест рукой, показывая ей, что пора на посадку.

Она медленно подошла к нему и, не говоря ни слова, посмотрела на него тяжелым взглядом.

– Пора! – снова вздохнул он. И, словно оправдываясь, добавил: – Объявили.

Она вздрогнула и пошла вперед – к стойке последней регистрации.

Он привычно двинулся следом.

Сзади них пристроились бабульки-паломницы, и Рита, обернувшись на них, вдруг скорчила недовольную мину.

– К Богу едешь, – тихо шепнул Жаров, – а вот ротик кривишь, – и он кивнул в сторону бабок.

Жена не повернула головы в его сторону.

Бабки и вправду суетились, нервничали и оттесняли Риту в сторону – вот и причина ее недовольства.

Наконец расселись в салоне. Рита у окна, он в середине. Рядом оставалось пустое место.

Паломницы, казалось, чуть успокоились – сели впереди них, и запахло вдруг ладаном, глаженным бельем и... старостью.

Сбоку сидела семейная пара – он был в светском, а она, его спутница, в длинном, до пола, шелковом платье и красивом, видимо праздничном, расшитом шелком, хиджабе.

Женщина была очень красива, но глаз не поднимала.

«Шехерезада, – подумал Жаров, – как хороша!»

Наконец появился молодой человек с длинными пейсами, закрученными в спиральку, и в черной шляпе с высокой тульей. Он вежливо и приветливо кивнул, расположился рядом и достал планшет. Жарову стало весело. Вот чудеса, боже правый! И вправду святой город. Всем там есть место – и тем, и другим. И как бы там ни было сложно, к своим богам люди все равно будут стремиться, невзирая на конфликты и войны. И всем хватит места наверняка!

Рита откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Жаров расслабился, вытянул ноги и достал из кармана газету. Когда разносили обед, он тронул жену за плечо. Не открывая глаз, она мотнула головой, а он с удовольствием начал расправляться с тушеным мясом и рисом – вполне себе, вполне! Хотя после чашки пустого утреннего кофе...

Иногда он бросал взгляд на жену – ему казалось, что она задремала. Ну и слава богу! Вот отдохнет и...

А что, собственно, «и»? Ничего не изменится. Ничего.

Он вздохнул, закрыл глаза и попытался уснуть.

Борька мотался с унылой мордой, ожидая не очень званных гостей. Впрочем, морда у Левина всегда тусклая и почти всегда недовольная.

Увидев Жаровых, Борька рванул к ним, и щербатая улыбка осветила его мятую физию. С Жаровым они обнялись, похлопывая друг друга по спине, внимательно посмотрели друг на друга, оценивая, и снова обнялись. Теперь было видно, что Борька рад старому приятелю. Рита стояла поодаль – отрешенно, словно не имела к этим двоим ни малейшего отношения.

– Что с ней? – шепнул Жарову Борька.

Жаров сморщил лицо и махнул рукой – потом, брат. Потом как-нибудь... После.

Мужчины подхватили чемоданы и двинулись к выходу.

Иерусалим жарко выдохнул им в лицо горячим дыханием и пряным южным запахом – нагретого асфальта, заморских цветов, восточных специй и... пыли.

Небо было таким ясным, чистым и таким неправдоподобно синим, что Жаров зажмурился. Пальмы чуть шевелили длинными, жесткими, растрепанными по краям листьями. Пыльные бугенвиллеи – всех цветов, от белого до малиново-красного, – вились по заборам стоящих вдоль дороги домов.

– Клево у вас. Просто рай, честное слово! – заерзал на сиденье Жаров и грустно добавил: – А у нас уже... Дожди и туманы... Октябрь, блин!

– Клево, – саркастически усмехнулся Борька и, тяжело вздохнув, добавил: – Хорошо, где нас нет! А потом, октябрь – самый хороший месяц. Только дышать начали. Тебя бы в июле... Вот когда чистая жесьть!

Рита в разговор не вступала. Борька косился на нее удивленным взглядом, а потом снова вопросительно смотрел на приятеля. Жаров развел руками – что поделаешь, брат! Такая фигня!

Жаров крутил головой, пытаясь рассмотреть сразу и все.

Борька усмехнулся:

– Здесь, брат, двадцать лет проживешь и всего не увидишь! Такая страна...

На этой фразе он тяжело вздохнул, и было непонятно, восхищается он или сожалеет об этом.

Наконец въехали в Борькин район. Сразу стало как-то уныло – дома, похожие на московские хрущевки, отсутствие яркой зелени и хороших машин.

У подъездов, совсем по-московски, сидели старики и с интересом разглядывали редких прохожих и проезжающие машины.

– Приехали, – со вздохом констатировал Борька, – вот он, рай. Мать его за ногу!

Поднялись на третий этаж – лифта в доме не было, а лестница была узкой и неосвещенной.

– Экономия! – снова вздохнул Борька. – Здесь воду в сортире лишний раз не спустишь – счетчики, батенька!

– У нас тоже счетчики, – успокоил его Жаров, – правда, вот на сортирах мы еще не экономим – что правда, то правда! Но, – тут уже вздохнул Жаров, – наверное, скоро придется...

Рита шла позади мужчин и по-прежнему молчала.

Дверь в Борькину квартиру была картонной, необитой и сильно потрепанной.

После московских, практически «сейфовых», это тоже было смешно.

Прихожей не было, сразу начиналась комната – узкая, небольшая, с низким потолком. Пол был выложен кафельной плиткой – Борька тут же прокомментировал:

– На жару, блин! А что делать зимой...

– Теплые полы! – сообразил гость.

Хозяин посмотрел на него, как на умалишенного.

– А! Электричество! – дошло до него наконец.

– Ну а тогда – в валенках! – бодро посоветовал Жаров.

Борька кивнул.

– Да все так и делают! Впору открывать артель. По валенковалянию. Другое «валяние» здесь не пройдет, – и снова тяжело вздохнул.

Из комнаты-салона, как высокопарно обозначил его хозяин, вела дверь в восьмиметровую спальню и крошечный туалет.

Жаров прошелся по квартире и присвистнул.

– И как мы тут? Все?

Левин пожал плечом.

– Не графья! Вам отдадим спальню, а сами с Наташкой – в салоне.

Рита стояла у окна. Жаров затащил чемодан в спальню, сел на кровать и задумался.

Господи! Какая же чушь! Припереться сюда, к Борьке. Упасть им с Наташкой на голову, стеснить близких людей... Нет! Надо в гостиницу. Непременно – в гостиницу! И что этот баран не сказал ему про свои «хоромы»? Они бы сразу все переиграли. И не было бы всей этой чуши... в тридцати метрах да с Ритой...

Наташка с ней никогда не ладила. Точнее – не могла найти общий язык. Впрочем, с коммуникацией у его жены всегда были проблемы... Не было у нее душевных друзей – такой человек. А уж сейчас... Что говорить «про сейчас»?

На предложение снять гостиницу Борька ответил скептически.

– Это вряд ли, сейчас череда праздников, и с гостиницами в Иерусалиме сложности – с хорошей наверняка, а помойка вам не нужна, правильно? Да и цены здесь – мама не горюй!

В разговор вступила молчавшая до сей поры Рита:

– Меня все устраивает! – коротко бросила она и жалобно добавила: – А нельзя ли поспать?

Жаров оживился и обрадовался и начал застилать постель.

Борька по-прежнему смотрел на него с изумлением.

Рита наконец ушла в спальню, а они с Борькой вышли на балкон – покурить.

– Такие дела, Борька, – горько сказал Жаров, – такие дела... Подробности – письмом. Но ты мне поверь, – он посмотрел на Бориса страдающим взглядом. – Она имеет на это право. А я, – тут он усмехнулся, – а я, Борька, муж! И это, как говорится, и в горе, и в радости...

Он зашел в Борькину спальню, посмотрел на спящую Риту и прилег рядом. Минут через пять он уснул.

Наташка моталась по кухне как подорванная. Маленькая, росточком с сидящую собаку, как обидно шутили в их компании, крепенькая, наливное яблочко, круглая попка, большая грудь, кудряшки ореолом, словно нимб над головой, и – вечный стрекот! Наташка трещала всегда и всюду, в любой ситуации. Давно забылось, кто привел ее в их компанию, но она сразу прижилась, в один день. Тут же принялась хлопотать, опекать кого-то, возить заболевшим яблоки с апельсинами – словом, Наташка была «всешний» друг и соратник. Ее так и воспринимали – подружка. Можно было поплакать на Наташкином круглом и теплом плече, приложиться к мягкой груди и быть уверенным, что она все поймет. А главное – пожалеет! Вокруг кипели романы, бурлили страсти, кто-то кого-то безумно любил, потом, как водится, разлюбил. Все страдали, сторали от любви, сходились-расходились, а она... Она по-прежнему была мамкой и нянькой.

Жаров помнил, как однажды, совсем среди ночи, будучи прилично бухим, он, не зажигая света, вслепую, на ощупь, набрал ее номер и хрипло выдохнул в трубку:

– Зотова, спаси!

И самое смешное, что, «выхаркав» свою боль, он тут же уснул, а через полчаса в дверь раздался звонок – на пороге стояла Наташка Зотова и встревоженно смотрела на него.

Ну, ночью тогда все и случилось – он помнил плохо, почти не помнил совсем, ему тогда это было просто необходимо, и она поняла. Вот только утром он почему-то смущенно извинился, а она, жаря яичницу, весело объявила:

– Да забыли, Жаров! Скорая помощь – и все дела! Тебе уже легче?

Наверное, стало легче... Черт его знает. Все давно стерлось, забылось, покрылось «пылью времен» – не о чем вспоминать. Наташка Зотова – и смех и грех! «Подруга дней его суровых».

Потом у Наташки образовалась свободная квартира – бабкина, что ли... ключи просили все попеременно, и Зотова никому не отказывала. Все знали, где лежит чистое белье и что в холодильнике всегда есть пельмени и яйца.

Когда Борька Левин объявил, что они с Зотовой вступают в законный брак, все удивились. А Жаров не очень – с бабами у Борьки не складывалось: Борька, смешной, носатый, унылый и занудливый, ценился исключительно как друг.

Было вполне логично, что они «спелись». И Жаров тогда порадовался за обоих.

Свадьба была шумная, сумбурная – оказалось, что у Борьки и Наташки целая куча родни, и Наташкина мать хотела все сделать «по правилам».

Бойкая она была бабенка, эта Наташкина мать, – все задирали тихую Лию Семеновну, Борькину матушку, а та вытирала глаза светлым платочком: Наташка ей, в принципе, нравилась, а вот новая родня...

– Это надо пережить, – посоветовал он в курилке вконец раскисшему Борьке, – в конце концов, родители имеют на это право!

Так он сказал, а вот думал иначе: после всей этой вакханалии – с тамадой, ансамблем, танцем молодых и пьяными родственниками – решил твердо: такого у него никогда не будет!

И вправду не было – с Ритой они расписались без помпы и тут же уехали в Таллин.

Рита... Он влюбился в нее сразу, в одну секунду – в эту странную, холодную, как казалось, и замкнутую женщину. Загадка... загадка она, и загадка его к ней любовь. Большая любовь, длиной в целую жизнь.

Ему никогда не было с ней просто. И все же... Он никого и представить не мог рядом – ни одну из его прежних и многочисленных пассий.

В компанию Риту не приняли – ни ребята, ни тем более девочки. Инка Земцова, большая умница, кстати, сказала ему тогда:

– Ты, Жаров, лопух! Или – слепой. Ты что, не видишь, что Маргарита твоя... Не нашего поля!

Он усмехнулся, в душе обидевшись, – не вашего? Ну, уж не твоего точно! А про мои «поля» не тебе, мать, судить!

Его, Жарова, мать тоже не приняла Риту – «после всех твоих девочек, Шурик!».

И началось перечисление: Мариночка, Света, Танюша.

Мать и вправду всегда находила с ними общий язык – общалась легко, пили чай на кухне, сплетничали и обсуждали его, Жарова.

– Снежная королева, – говорила мать про невестку подругам. И тихо, чтобы сын не услышал, добавляла: – Совершенно не о чем с ней говорить! Что бы я... Ты, Туся, меня хорошо знаешь!

А молодая жена никому не стремилась понравиться. И только он, Жаров, знал ее всю, до доньшкa, знал и любил.

Был уверен – она не предаст. Никогда! Никогда не скажет ни о ком дурно – даже о тех, кто явно не симпатизирует ей.

Никогда не осудит чужие проступки, только вздохнет:

– Все мы люди, Саша! И никто не знает, что нас ждет за углом.

Ее считали высокомерной, надменной, а она была просто... Скрытная, не очень «люди-мая», любящая уединение и тишину.

Она могла уйти гулять в парк одна и надолго – сначала он обижался, а потом привык.

В его компанию она ходила неохотно, но ходила.

– Я не могу лишать тебя общества, – вздыхая, говорила она.

А в Новый год попросила:

– А давай вдвоем, только ты и я? Можно?

Жаров растерялся: уже были составлены списки покупок и меню – им, например, надлежало сделать салат из крабовых палочек и испечь лимонный пирог.

Он вздохнул.

– Хорошо... Раз ты хочешь...

И вправду, Новый год тогда удался. Они накрыли стол, зажгли свечи, загадали желания, выпили шампанского и пошли танцевать. А в час ночи, абсолютно игнорируя разрывающийся телефон, пошли в лес – благо лес располагался рядом, только перейти шумное шоссе.

В лесу они зажгли бенгальские огни, снова выпили остатки прихваченного шампанского – полбутылки и прямо из горла – и... раскинув руки, упали в сугроб!

Над головой низко висело темное небо, на котором, словно новогодние лампочки, горели мелкие и яркие звезды.

Она знала все звезды и все созвездия.

– Откуда? – удивился он.

Она объяснила:

– Да я все детство ошивалась в планетарии. Ездила туда по два раза в неделю. Там такая благодать, – сказала она задумчиво, – тишина и покой. И звезды на небе...

Он удивился:

– Одна? Ты ездила туда одна? Без подруг, без девчонок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.